

Русская военная разведка в 1812 г.

(Организация деятельности)

Теме Отечественной войны 1812 г. посвящена обширная литература, но не все ее аспекты хорошо изучены. К слабоосвещенным вопросам относится организация русской военной разведки в 1810–1812 гг. Разведка во все времена была важнейшим компонентом военного искусства. Данные, полученные разведчиками, оказывали огромное влияние на планирование и ход военных действий, так как военачальники при выработке планов и принятии решений исходили из анализа обстановки: состояния собственной армии и полученных сведений о противнике. Значительную роль сыграла разведка и в событиях 1812 г.¹

Уже в 1810 г. русскими правительственными кругами ясно осознавалась вероятность военного конфликта с империей Наполеона ввиду агрессивного внешнеполитического курса Франции. Неслучайно, что в январе 1810 г. произошла смена руководства военного ведомства России. На высший военный орган была возложена задача всесторонней подготовки к будущей войне, поэтому любимец царя, придворный генерал А.А.Аракчеев был заменен на посту военного министра боевым генералом М.Б.Барклаем де Толли.

Подготовка шла по всем направлениям. Активно началось крепостное строительство, проводились мероприятия по обеспечению армии запасами продовольствия, фуража, амуницией, боеприпасами и оружием. В этот период произошло реформирование вооруженных сил. Армия получила четкую организационную структуру: вводилась корпусная и совершенствовалась дивизионная система, были упорядочены штабная служба, полевое и высшее управление. Стали применяться новые принципы обучения войск, создавались воинские резервы.

Не осталась без внимания и разведка. Барклай де Толли хорошо понимал необходимость существования специальных органов, в обязанность которых входили бы наблюдение за приготовлениями соседей и охрана военных тайн от нескромных посягательств иностранцев. Поэтому наряду с другими оборонительными мероприятиями ему пришлось фактически заново заняться организацией военной разведки, до этого не существовавшей. Необходимо было узнать силы будущего противника, его планы и намерения и, что немаловажно — не допустить утечку информации о русской армии.

Деятельность военного ведомства России велась в трех направлениях: организация стратегической разведки (добывание стратегически важных сведений за границей), тактической разведки (сбор сведений о войсках противника на территории соседних государств) и контрразведки (выявление и нейтрализация наполеоновской агентуры).

Такое деление объяснялось тем, что разные группы разведчиков различались по своим целям и задачам, методам и условиям работы, характеру собираемых сведений, хотя границы такой классификации могли быть подвижны.

Стратегическая разведка

Для стратегической разведки было необходимо организовать отправку за границу людей, способных создать агентурную сеть для получения достоверных данных о военно-экономическом потенциале иностранных государств. Именно на основе этих сведений должны были составляться предположения о вероятных действиях противника и выработываться собственные планы.

Летом 1810 г. Барклай де Толли в письменном докладе Александру I, в котором анализировалось состояние подготовительных мероприятий на случай обороны, выдвинул программу организации деятельности разведки за границей, считая, что для составления планов военных действий ему нужно “будет иметь обстоятельнейшие известия о военном, статистическом и политическом состоянии соседствующих государств”, он просил разрешения направить к русским посольствам военных чиновников. Это было необходимо, по его мнению, для сравнения сил России “с прочими державами”².

Просьба Барклая была удовлетворена, так как уже в августе–сентябре 1810 г. он направил русским послам в Европе инструкции для сбора и доставки сведений по военной части. Позднее в европейские столицы были назначены военные агенты (образ военных атташе), которым поручалось собирать информацию о военных приготовлениях Наполеона. Подписанные Барклаем 12 инструкций военным агентам и русским послам имели общую форму с незначительными отклонениями. В правилах для них предписывалось собирать сведения о числе войск, “о устройстве, оборудовании и вооружениях, расположении по квартирам, с означением мест главных запасов, о состоянии крепостей, способностях и достоинствах лучших генералов и расположении духа войск”. Кроме того, необходимыми были сведения об экономике страны, а также свои планы возможных военных действий³.

В качестве военных агентов были направлены майор В.А.Прендель в Дрезден, поручик П.Х.Граббе в Мюнхен. В Париже подобные функции были возложены на флигель-адъютанта полковника А.И.Чернышева. При русских миссиях в Вене и Берлине находились в особыми поручениями полковники Ф.В.Тейль-фон-Сераскеркен и Р.Е.Ренни.

На разведработу за пределами России кандидатуры отбирались тщательно. Это были образованные и знающие офицеры, имевшие боевой опыт и хорошо владевшие иностранными языками⁴. Прендель и Тейль и раньше выполняли военно-дипломатические задания. Ренни и Чернышев свои должности исполняли уже с начала 1810 г., первый в Берлине, как военный адъютант Х.А.Ливена, а второй в Париже с несколько неясным статусом — как особый курьер для переписки между Александром I и Наполеоном. Тейль в 1809 г. был знаком Барклаю по Финляндии и по его предложению был прикомандирован к русской дипломатической миссии в Вене. Прендель и Граббе

были направлены за границу по рекомендации генералов, у которых в 1810 г. они занимали должности адъютантов, первый у Д.С.Дохтурова, второй у А.П.Ермолова.

Должность военного агента требовала не только умения наладить связи и найти источники информации в стране. Нужны были пытливость, наблюдательность и выносливость, так как Барклай в инструкциях требовал, чтобы военные агенты "под видом временных поручений или каких-либо предлогов" чаще делали поездки "для обозрения важнейших мест"⁵. Это являлось одним из средств получения информации, особенно о передвижениях французских войск. Не говоря уже о Чернышеве, который постоянно курсировал из Парижа в Петербург и обратно, остальные часто совершали длительные путешествия по Европе. Особо важные сведения были доставлены русскому командованию после поездок Граббе весной 1811 г. (Мюнхен—Дрезден—Мюнхен)⁶, Пренделя зимой 1810—1811 гг. (Дрезден—Вена—Львов)⁷, летом—осенью 1811 г. (Дрезден—Париж—Франкфурт—Лейпциг—Берлин—Мемель)⁸, зимой 1811—1812 гг. (Радзивилов—Бреславль)⁹.

Анализируя поступавшую с 1810 по 1812 г. информацию, можно с уверенностью сказать, что самые ценные сведения отправлялись из Парижа от А.И.Чернышева. Но это не являлось его личной заслугой, так как еще в 1804 г. русскому дипломату П.Я.Убри удалось завербовать служащего военного министерства Франции Мишеля. Тот в свою очередь привлек ряд сотрудников этого министерства. Чернышев же был лишь передаточным звеном, так как ему с 1810 г. была передана связь с Мишелем. Сведения из военного министерства Франции были особо ценны. Помимо информации по частным вопросам, Мишелю удалось получить доступ к составляемым для Наполеона каждые 15 дней на основании полковых рапортов расписаниям численного состава французской армии и регулярно передавать Чернышеву копии с этих сведений. Хотя и с задержкой, но эти материалы попадали на стол к Барклаю, военное министерство России имело отличное представление о военном потенциале Франции так же, как и о ее союзниках. Другие военные агенты в Европе присылали, может быть, не столь достоверные данные, но во всяком случае с 1810 по 1812 г. были получены сведения о состоянии баварской, вестфальской, вюртембергской, саксонской, австрийской, прусской, датской армий, войск Рейнского союза и герцогства Варшавского.

Таким образом, правительство и военное руководство России в 1810—1812 гг. имело возможность реально оценить силы своего противника и хотя бы приблизительно представить численность армии, которую Наполеон мог использовать против России.

Тактическая разведка

Смысл этого вида разведки заключался в получении военно-политической информации на сопредельных территориях, как правило, через лиц, имевших возможность пересекать границу. На основе донесений тактической разведки можно было сделать вывод о сроках начала военных действий и численности передовых сил противника. Этим видом разведки занимались специальные резиденты, военные комен-

данты пограничных городов и командование частей, расквартированных вблизи границы. Параллельно с этими обязанностями те же люди занимались и вопросами контрразведки. Большую помощь им оказывали гражданские и полицейские чиновники, выполнявшие ряд важных функций контрразведывательной службы.

Четкой организационной структуры тактическая разведка не имела. По приказу Барклая де Толи командиры русских корпусов вблизи границы с 1810 г. начали посылать на территорию соседних государств агентуру и проводить мероприятия по поимке французских лазутчиков. Направляли работу этой службы резиденты на границе: подполковник¹⁰ М.А. де Лезер, майор Врангель, капитан И.Вульферт в Прибалтике, полковники И.И.Турский и К.П.Щиц в Белостоке, В.А.Анохин в Бресте, И.О. де Витт во 2-й армии. Два особых резидента находились в г. Радзивилов на австрийской границе — братья А.К. и К.К.Гирс (один капитан, другой почтмейстер). В этом городе был создан пункт связи для передачи экстренных сообщений Барклаю¹¹.

В качестве агентов использовались местные жители пограничных районов, а также люди из самых разных слоев общества, временно выезжающие за границу. Часто это были случайные лица, и в военном отношении некомпетентные люди. Известен только один случай, когда в качестве разведчика был послан в партикулярном платье капитан Черниговского мушкетерского полка Нейгарт. Так как о его поездке удалось узнать контрразведке герцогства Варшавского, она окончилась провалом¹², Барклай запретил использовать офицеров для подобных целей¹³. Агентурный контингент состоял в основном из гражданских лиц, иногда использовались отставные офицеры. Такие разведчики черпали данные из увиденного или же из слухов. Не приходится говорить поэтому о большой достоверности собранных ими сведений, хотя иногда русским резидентам на границе удавалось получить достаточно точную информацию¹⁴.

Деятельность тактической разведки имела особое значение в последние месяцы перед войной, когда стратегическая разведка была лишена возможности оперативно поставлять информацию, так как ее усилия в значительной степени были затруднены французскими службами. Наполеон старался произвести развертывание "Большой армии" перед началом кампании при закрытых границах, в обстановке секретности. Важную роль он придавал дезинформации, распуская ложные слухи о направлении главного удара из района Варшавы. В это время перед русскими разведчиками стояли две задачи: определить место сосредоточения главных сил Наполеона и узнать точное время и место перехода границы.

В отечественной историографии лишь недавно утвердилось мнение, что о начале войны знали за 2 недели, переправа через Неман не стала неожиданностью для русского командования и в этом была заслуга разведки¹⁵. На основе поступивших сведений Барклай определил, что главные силы Наполеон собрал между Гродно и Ковно¹⁶. Было точно установлено, что противник намерен перейти границу 12 июня¹⁷. Но абсолютно точно указать место переправы через Неман тактической разведке не удалось. По сведениям П.Х.Виттенштейна, французы могли переправляться в нескольких пунктах от Олиты до Тильзита, и особо им была выделена переправа у Ковно¹⁸. Барклай же, как видно из его письма М.И.Платову, считал наиболее вероятным местом

перехода границы Олиту¹⁹. В данном случае это уже не имело принципиального значения. Все корпусные начальники были задолго извещены о начале войны, получили инструкции, а их войска находились в полной боевой готовности²⁰. Благодаря усилиям тактической разведки, русское командование полностью контролировало положение, и с первого дня военные действия развивались по сценарию Главной квартиры русской армии, а не Наполеона.

Контрразведка

Основная тяжесть борьбы с французской агентурой в России выпала на долю русской тактической разведки. Через своих корреспондентов в сопредельных государствах русские резиденты на границе и командование воинских частей получали сведения о засылке в Россию эмиссаров Наполеона. В документах за 1810, 1811, и особенно за 1812 г., упоминаются 68 разыскиваемых шпионов²¹. Часто удавалось узнать не только фамилии агентов, но и их словесные описания с особыми приметам²². Был составлен список лиц (с указанием примет, личных качеств и опыта разведработы), которых собирались использовать наполеоновские службы в России²³, и выявлены маршруты заброски агентуры на русскую территорию²⁴. В пограничных районах сопредельных государств установили наблюдение за французскими резидентами²⁵, что давало возможность своевременно узнавать о вербовке новых шпионов. Нередко русским разведчикам за рубежом удавалось скомпрометировать таких агентов и добиться их ареста местными властями еще до их въезда в Россию²⁶.

Один из интересных эпизодов деятельности русской контрразведки связан с делом Савана. Отставной польской службы ротмистр Саван проживал с семьей в герцогстве Варшавском. Имея скудные средства, он попытался получить место учителя, однако столкнулся с большими трудностями. Они, видимо, были искусственно созданы военной разведкой герцогства, так как, если учесть его прошлую службу в русской армии, то он являлся подходящей кандидатурой для агентурной работы в России. Начальник генерального штаба и руководитель разведслужбы генерал С.Фишер через своих подопечных предложил Савану помощь в подыскании места, но за это попросил его прежде выполнить шпионское поручение на русской территории. Находясь практически в безвыходном положении, Саван был вынужден принять предложение Фишера. Снабженный инструкцией и деньгами, он в начале 1811 г. перешел границу, но, прибыв в г. Вильно, тут же добровольно явился к русскому командованию и рассказал о полученном задании. В создавшейся ситуации руководство русской разведки решило использовать человека, доказавшего свою преданность России. В обратный путь Саван отправился уже как русский контрразведчик и доставил Фишеру интересные сведения, подготовленные в русском штабе²⁷.

Информация, получаемая из России тайными агентами, была очень противоречивой, обрывочной и неполной. Даже французский генералитет сетовал на низкое качество сведений и зачастую выражал сомнение в их достоверности²⁸. На общем

фоне донесений, весьма приблизительно и не точно рисующих состояние русской армии, дезинформация Савана выглядела убедительно, поэтому сообщениям нового агента поверили²⁹. Во время нахождения в Варшаве Савану удалось получить ряд ценных сведений военного характера, и по заранее обговоренным условиям связи его зашифрованная корреспонденция попадала на стол руководителей русской разведки³⁰.

В начале 1812 г. тайные службы Наполеона активизировали работу и прибегли к массовой засылке шпионов на территорию России. Саван же как агент однажды успешно выполнивший задание, был переведен в ведомство высшего ранга, — организацию барона Л.П.Э.Биньона, шефа секретной службы "передового базирования". Имея ощутимый недостаток в квалифицированной агентуре, Биньон перед началом военных действий командировал Савана в Вильно на 5 месяцев³¹. В распоряжение Главной квартиры 1-й армии противник направил резидента, который стал работать под русским контролем. Это был, бесспорно, успех русской контрразведки.

Подробности повторного пребывания Савана в Вильно, обстоятельства, при которых он вел сложную игру с тайными службами Наполеона, можно почерпнуть из материалов, хранящихся в отечественных архивах. Его послужной список с марта 1812 г. обогатился успешными операциями по выявлению отдельных французских лазутчиков. При его содействии был арестован поручик М.Дронжевский, посланный для сбора сведений в Белоруссию наполеоновским генералом А.Рожнецким³². В связях с противником была изобличена группа прибалтийских банкиров во главе с Менцельманом, финансировавшая по договоренности с банками Варшавы агентуру Наполеона в России³³. По его сообщению начались поиски французов Пенетро и Голена, разъезжавших по западным районам для сбора разведанных о русской армии под предлогом закупки леса³⁴. С помощью Савана был взят под негласное наблюдение на территории герцогства Варшавского его непосредственный руководитель и один из самых опытных и активных резидентов наполеоновской секретной службы на границе Беллефруа, официально занимавший должность супрефекта г. Тикочина³⁵. За время пребывания Савана в столице Литвы его 3 раза навещал некто Юргашко, агент для связи с Биньоном. Каждый раз через него французские штабы получали специально составленную информацию о русской армии. Причем в третий приезд Юргашко был арестован³⁶.

Важную роль сыграл Саван и в мае 1812 г., во время прибытия к Александру I посланца Наполеона генерала графа Нарбонна. Основная задача этой миссии была отнюдь не дипломатическая, а чисто военно-разведывательного характера, о чем свидетельствуют некоторые мемуаристы-современники³⁷. Не случайно, что Нарбонна не сочли нужным информировать о переговорах с Россией за последние годы³⁸, но в то же время к нему для разведывательных целей были прикомандированы в качестве адъютантов офицеры Т.Себастьяни, Ф.Роган-Шабо и курьер Ф.Гара, говорившие по-польски³⁹.

Вполне понятно, что за Нарбонном и его свитой с момента появления его на русской территории было установлено тщательное наблюдение⁴⁰. Русская контрразведка контролировала каждый их шаг, и ей удалось получить копию инструкции Нарбонну, с которой были ознакомлены политические и военные русские руководители⁴¹.

Русскому командованию накануне войны было важно дезинформировать противника и не допустить утечки сведений. С этой целью по приказу Барклая в "игру" был введен Саван. По составленному в контрразведке сценарию он должен был играть роль резидента, потерявшего связь с центром. При первой тайной встрече с Нарбонном Саван предъявил инструкции, подписанные Бишьоном, что удостоверило его принадлежность к французской разведке. При двух последующих встречах он передал подготовленную в штабе Барклая информацию о расположении русских войск⁴².

Не имея сообщений о сосредоточении сил русской армии накануне кампании, французские штабы испытывали информационный голод. Сведения, отправленные с Нарбонном, были наиболее полными, к тому же одними из немногих, которые удалось добыть тайным службам Наполеона до перехода границ, поскольку другие каналы агентурных сообщений уже были перекрыты русской контрразведкой. Данные, переданные от лица Савана, давали возможность сделать при их анализе только один вывод — войска Барклая не собираются переправляться через Неман, но в то же время русские будут активно противодействовать переходу "Большой армии" через границу и дадут сражение в пограничной полосе.

На основе этой информации, исходя из ложных посылок, во французских штабах разрабатывались планы разгрома 1-й армии в приграничных районах⁴³. Вполне понятны поэтому удивление и досада Наполеона в начале войны, когда он узнал об оставлении русскими г. Вильно. Неожиданным для него оказалось и то, что Барклай, не защищая Литву, отступал к Двине⁴⁴. Таким образом, превосходно задуманные замыслы французского императора остались неосуществленными. Проведенная русской контрразведкой операция принесла свои плоды. Войскам Барклая де Толли удалось избежать первого удара превосходящих почти в три раза сил "Большой армии"⁴⁵.

К 1812 г. в Россию удалось проникнуть многочисленным эмиссарам Наполеона, трудно определить, какая их часть была выявлена русской контрразведкой. Перед войной была обнаружена шпионская группа, действовавшая в Бресте⁴⁶, отдан под суд ряд агентов на Украине⁴⁷, арестован агент для связи А. Стецкий⁴⁸.

Во время военных действий были выявлены: в Риге — купец К. Цебе, пробравшийся туда под видом доктора по заданию прусского генерала Йорка⁴⁹, в Петербурге — И. де Мобургень, посланный шефом военной разведки Наполеона генералом М. Сокольницким⁵⁰; в Главной квартире русской армии — И. Левкович, направленный в июле 1812 г.⁵¹ Были арестованы французский резидент в Смоленске Ружанский, а на Дону — руководитель особой разведгруппы полковник Граф Платтер⁵². Уже после войны были взяты под стражу лица, выполнявшие в 1812 г. задания на русской территории: в 1813 г. — данцигские купцы М. Самуэль и Я. Иоахим, посланные генералом Ж. Раппом⁵³; в 1814 г. — прапорщик И. Завадовский, три раза побывавший в России по заданию генерала С. Фишера⁵⁴.

Анализируя деятельность контрразведки и тактической разведки можно прийти к выводу, что это была единая служба. В этой связи представляется интересным рассмотреть эволюцию ее организационной структуры в 1812 г., назвав контрразведкой, так как во время войны, происходившей на русской территории, естественно

преобладали эти ее функции. По мере приближения начала военных действий стало ясно, что необходимо создать службу контрразведки непосредственно в армии, так как военное министерство, куда до этого поступали сведения от командиров воинских частей и резидентов на границе, не могло во время войны быстро и оперативно использовать полученную информацию.

В 1812 г. вышел в свет важный законодательный акт "Учреждение для управления Большой действующей армии". Одним из его секретных дополнений было "Образование высшей воинской полиции"⁵⁵ — документ, на основе которого и была впервые построена организация русской военной контрразведки. Первоначально задуманная структура контрразведки по мере применения на практике "Образования..." дополнилась еще несколькими инструкциями и за время войны претерпела изменения, не предусмотренные составителями⁵⁶.

27 января 1812 г. вместе с "Образованием..." были подписаны еще два секретных документа: "Инструкция начальнику главного штаба по управлению высшей воинской полиции"⁵⁷ и "Инструкция директору высшей воинской полиции"⁵⁸. Именно этими документами регламентировалась первоначально организация контрразведки. Курировать ее деятельность должен был начальник Главного штаба армии, к нему должны были поступать и доклады директора высшей полиции, а он в свою очередь информировал бы главнокомандующего. Руководил высшей полицией директор, ему подчинялись два его помощника, сотрудники, начальники частных образований полиции при отдельных корпусах, а также окружные начальники. "Вся окружность, армиию занимаемая", делилась на три округа — два фланга и центр, — каждый из которых вверялся "надежному и испытанному чиновнику высшей полиции"⁵⁹. В инструкциях указывались обязанности различных чинов контрразведки, приводились правила, способы и методы работы с агентурой, сбора и передачи сведений.

С началом формирования армейских штабов 15 марта 1812 г. эти инструкции были посланы в войска⁶⁰. 11 апреля они были дополнены кратким руководством для директора высшей полиции, составленным Барклаем⁶¹. Им же было подписано предписание от 13 мая 1812 г., в котором еще раз уточнялся круг обязанностей контрразведки, расширялась власть директора и увеличивались чисто полицейские функции в деятельности высшей полиции⁶². На основе этого предписания вся местная полиция будущего театра военных действий была постепенно подчинена контрразведке⁶³.

Кто же занимал посты директоров высшей полиции в русских армиях? С началом военных действий И. С. Бароцци⁶⁴ был назначен директором в 3-ю Западную армию⁶⁵. Но, прибыв туда с назначением, он объявил А. П. Тормасову, что имеет от командования Молдавской армии особое поручение к Александру I, и был отправлен к нему⁶⁶. Что касается 2-й армии, то, как явствует из письма П. И. Багратиона к Барклаю от 10 июня 1812 г., пост директора был там вакантным и контрразведка так же, как и в 3-й армии, не была организована на новых началах⁶⁷. Хотя еще 24 мая на эту должность был назначен подполковник маркиз М. Л. де Лезер⁶⁸, один из активных военных резидентов на западной границе, но прибыл он к месту назначения после начала войны и занимал свой пост недолго⁶⁹. Несмотря на то, что с 1800 г. де

Лезер служил в русской армии, участвовал в 17 сражениях с французами, награжден тремя орденами⁷⁰ и имел большие заслуги в военной разведке⁷¹, после неудачных действий русских войск под Смоленском он был, как и многие иностранцы, заподозрен в сношениях с французами и выслан в Пермь⁷².

В 1-й Западной армии организация контрразведки была поставлена лучше. Высшая воинская полиция имела штат чиновников, канцелярию и директора. Ей же перед войной была подчинена местная полиция от австрийской границы до Балтики⁷³. На пост директора в марте 1812 г. был назначен Я.И. де Санглен⁷⁴, а с 17 апреля он стал директором воинской полиции при военном министре⁷⁵, т. е. руководителем всей русской военной контрразведки⁷⁶.

Поскольку Санглен находился в 1-й армии как сотрудник военного министерства, то он подчинялся не начальнику главного штаба, а лично Барклаю, тем более, что тот узаконил такое положение, требуя все поступающие сведения доставлять ему⁷⁷. Фактически контрразведка 1-й Западной армии, являясь единственно правильно организованной, подменила органы 2-й и 3-й армий, оставившиеся только на бумаге. Во время войны подчиненные Санглена посылались для получения сведений не только в район боевых действий 1-й армий, но также во 2-ю, 3-ю армии и в отдельные корпуса.

Штат высшей воинской полиции Санглена был немногочисленным. Для работы в канцелярии, по его представлению, из соображений секретности первоначально был выбран лишь один чиновник — губернский секретарь Протопопов⁷⁸, но по мере расширения секретного делопроизводства в помощь ему поступили коллежский секретарь В.П.Валуа⁷⁹ и студент Петрусович⁸⁰. Постепенно сформировался и штат сотрудников, занимавшийся разведработой. Часть их была взята из министерства полиции: П.Ф.Розен⁸¹, Шлыков⁸², И.А.Лешковский (отставной поручик, с 11 июля 1812 г. вновь на военной службе)⁸³. С началом войны в контрразведку попали полицмейстеры городов Вильно и Ковно — Вейс⁸⁴ и майор Е.А.Бистром⁸⁵, до этого активно сотрудничавшие с Сангленом, а также таможенный чиновник А.Барцц⁸⁶. Были приняты и несколько отставных офицеров, имевших опыт боевых действий: подполковник Е.Г.Кемпен⁸⁷ и капитан К.Ф.Ланг (незадолго до этого вернувшийся из Пруссии со сведениями военного характера⁸⁸), а также бывший ротмистр австрийской службы В.Ривофиналли⁸⁹.

Если до войны сотрудники Санглена занимались выявлением наполеоновской агентуры, то с началом военных действий их важнейшей задачей стало получение оперативных сведений о движении войск противника. С этой целью все чиновники высшей полиции посылались в командировки на фланги и в тыл противника. Розен и Бистром были посланы в район Динабург—Рига; Барцц — в район Белостока; Ривофиналли — в район Подмосквья; Шлыков — в район Полоцка и Смоленска, затем в 3-ю армию, после же М.И.Кутузов направил его в Москву для выявления агентуры противника. Лешковский был прикомандирован к корпусу П.Х.Виттенштейна, а Кемпен отправлен в Мозырь для развертывания агентурной работы в тылу неприятеля. Лангу были приданы два казака для захвата "языков" (всего за войну 1812 г. он доставил в Главную квартиру 10 пленных).

При выполнении заданий чиновники высшей полиции очень часто рисковали жизнью; от ран после Бородина умер Бистром, пропал без вести Вейс, был ранен в ногу Ланг, захвачен в плен Барцц, на короткий срок попадали в плен Шлыков и Валуа. Можно с полным основанием сказать, что и сотрудники разведки внесли свой боевой вклад в дело победы в 1812 г. Весь период войны русское командование постоянно получало информацию о передвижениях войск Наполеона и о положении дел в тылу противника, несмотря на то, что в управлении высшей полиции во время военных действий произошли некоторые изменения. Как видно из документов, в начале войны у Санглена были два директорских помощника — Розен и Ланг. В августе—сентябре 1812 г., в связи с оставлением поста военного министра Барклаем де Толли, все министерские сотрудники, находившиеся по его указанию в 1-й армии, покинули театр военных действий. Санглен вместе с канцелярией также отправился в Петербург, в военное министерство, где исполнял свою должность до 1816 г.⁹⁰ Директором высшей воинской полиции в армии стал способный контрразведчик П.Ф.Розен. 10 декабря 1812 г. военным генерал-полицмейстером армии был назначен генерал Ф.Ф.Эртель⁹¹, на него было возложено руководство чисто полицейскими функциями в тылу. Это назначение не затронуло организационной структуры контрразведки: "Высшая полиция, — говорилось в предписании М.И.Кутузова, — остается на прежнем своем положении под непосредственным управлением директора оной надворного советника барона Розена"⁹². В дальнейшем в заграничных походах русской армии контрразведчики также принимали активное участие. Высшая воинская полиция при армии существовала, хотя и с несколько измененными функциями и составом, до 1815 г.⁹³

Высший орган русской военной разведки

По предложению Барклая де Толли при военном министерстве был создан специальный орган, занимавшийся руководством и координацией деятельности разведки как за границей, так и внутри страны⁹⁴. В 1810 и 1811 г. он существовал под названием секретной экспедиции (канцелярии) при военном министре, штат которой состоял из правителя, четырех экспедиторов и переводчика⁹⁵. В начале 1812 г. экспедиция была реформирована на основе "Образования военного министерства"⁹⁶. Она получила узаконенный штат и стала именоваться Особенной канцелярией военного министра⁹⁷, подчинялась непосредственно только министру, результаты деятельности канцелярии не включались в ежегодный министерский отчет, а круг обязанностей ее сотрудников определялся особо установленными правилами⁹⁸.

Особенная канцелярия занималась не только разведкой, но и всеми вопросами, которые, с точки зрения военного министра, были особосекретными, т. е. проведением разведки, обобщением и анализом поступающей разведывательной информации, выработкой рекомендаций для составления военных планов и осуществлением секретных подготовительных мероприятий, в частности — передислокацией воинских частей на границе⁹⁹.

До 19 марта 1812 г. руководителем разведывательного ведомства был доверенный сотрудник военного министра флигель-адъютант полковник А.В.Воейков, воевавший вместе с Барклаем еще в Финляндии в 1809 г.¹⁰⁰ Поскольку в апреле 1811 г. он был одновременно назначен редактором "Комиссии по составлению воинских уставов и уложения"¹⁰¹, то большую часть его обязанности выполнял с этого времени подполковник П.А.Чуйкевич, военный писатель и историк, один из самых образованных офицеров русской армии.¹⁰² Остальной штат канцелярии состоял из гражданских лиц, но подбирал его, видимо, сам Барклай. Это были образованные молодые люди, хорошо знавшие иностранные языки: А.А.Майер¹⁰³, А.И.Барклай де Толли¹⁰⁴ (племянник военного министра) и Н.Г.Кириллин¹⁰⁵. С 21 марта 1812 г. пост директора Особенной канцелярии занял способный штабной офицер полковник А.А.Закревский, зарекомендовавший себя в последних войнах с Францией, Швецией и Турцией¹⁰⁶. Именно он и возглавлял сотрудников канцелярии во время боевых действий, так как все они находились при Барклае в 1-й Западной армии до оставления Москвы и выполняли свои обязанности в полевых условиях. Сам же Закревский являлся непосредственным руководителем русской разведки при армии до сентября 1812 г.¹⁰⁷

С 1810 по 1812 г. сведения о приготовлениях Наполеона к войне с Россией непрерывно поступали в военное министерство России, поэтому особый интерес вызывает вопрос — как оценивались силы, собранные на русских границах и в связи с этим какие рекомендации предлагала разведка русскому командованию?

В 1812 г. основные разведывательные сведения о наполеоновских войсках собирались в Особенной канцелярии в одну большую книгу¹⁰⁸ и на основе сопоставления и анализа данных от разных корреспондентов проводился подсчет военных сил, которые могли принять участие в кампании против России. Кроме того, в январе 1812 г. для Барклая и Александра I П.А.Чуйкевичем была составлена карта дислокации французских частей в Восточной Европе, где по разведдонесениям фиксировались все передвижения и сосредоточение войск Наполеона до начала военных действий¹⁰⁹. Это давало возможность наглядно представить направления основных операционных линий "Большой армии" и сделать предположения о направлении главного удара в начале войны.

Важное значение придавалось анализу боевого опыта французской армии, и особенно изучению предшествующих кампаний под непосредственным руководством Наполеона для выявления основных элементов стратегии, применяемой им, чтобы достичь быстрой победы. Именно эти два момента — численность "Большой армии" и французская стратегия ведения военных действий — брались в первую очередь в расчет русскими разведчиками при составлении рекомендаций командованию.

Из таблицы, составленной на основе итогов разведанных за предшествующий Отечественной войне год, видно, несмотря на разницу цифрового материала, как активно Наполеон наращивал силы для вторжения в Россию, а численность его армии можно приблизительно определить в 400—500 тыс. человек. Сопоставим этот вывод с французскими источниками. По сведениям генерального штаба "Большой армии" на 10 марта 1812 г., в девяти корпусах, предназначенных для войны с Россией, находилось в наличии 397 951 человек¹¹⁰. Вместе с австрийскими и прусскими войсками

Таблица. Численность французских войск и их союзников в Восточной Европе по данным русских разведчиков

На какое время	Автор	Численность французских войск	Численность вместе с союзниками
15 августа 1811 г.	Чернышев	56 419	—
15 сентября 1811 г.	Куракин	81 515	—
15 сентября 1811 г.	—	80 000	—
Сентябрь 1811 г.	Ливен	—	186 000
1 ноября 1811 г.	—	67 296	239 886
1 ноября 1811 г.	—	104 527	—
15 ноября 1811 г.	—	114 389	—
1 декабря 1811 г.	Куракин	117 245	—
Декабрь 1811 г.	Чернышев	120 000	350 000
Декабрь 1811 г.	Ливен	—	300 000
1 декабря 1811 г.	Чернышев	125 726	—
Январь 1812 г.	—	176 913	—
Конец января 1812 г.	Ливен	143 800	238 800
Конец января 1812 г.	—	—	284 000
Февраль 1812 г.	Чернышев	—	350 000—400 000
Февраль 1812 г.	Тейль	217 000	—
Февраль 1812 г.	Чернышев	218 893	—
Начало марта 1812 г.	Тейль	237 000	377 000
Март 1812 г.	Ливен	207 000	—
Март 1812 г.	Ханьков	200 000	420 000
1 апреля 1812 г.	—	248 362	490 998
5 июня 1812 г.	Тормасов	—	400 000

Наполеон довел к июню 1812 г. первый эшелон своей армии до 450 тыс. человек. Отсюда видно, что русская разведка реально оценивала силы противника.

Из всех военных планов и проектов, поступивших накануне войны в Главную квартиру русской армии, рассмотрим лишь предложения двух лиц, на наш взгляд, наиболее компетентных в то время военных специалистов, оценивавших состояние французской армии по разведывательным материалам: полковника А.И.Чернышева, имевше-

го до февраля 1812 г. доступ к секретным данным французского военного министерства, и подполковника П.А. Чуйкевича, с 1810 г. занимавшегося в военном министерстве России обобщением и анализом поступающей от русских разведчиков информации.

Чернышев в одном из своих последних донесений из Парижа в феврале 1812 г. высказал мнение, что как никогда значительные приготовления Наполеона к войне преследуют цель создания громадного перевеса сил для разгрома русской армии в течение одной быстрой кампании. Указывая на примеры Фабия и Веллингтона, он предлагал затягивать военные действия и избегать больших сражений, так как противник без сомнения будет их искать. Оценивая политическую ситуацию, он считал, что французский император не может покинуть Париж более, чем на один год, а если война продлится две-три кампании, то победа будет на стороне России и Европа освободится от своего угнетателя¹¹¹. Уже в ходе войны, в записке, поданной Александру I в июле 1812 г., Чернышев писал о затягивании военных действий как факторе, необходимом для создания и подготовки подкреплений внутри страны, считая, "что спасение армий, а следовательно государств, лежит прежде всего в силе резервов". Он предложил организовать вторую оборонительную линию, состоящую из 5 укрепленных лагерей (в районах Ржева, Вязьмы, Дорогобужа, Гжатска и Медьни), где бы находились рекруты и ополчение¹¹².

Идеи, высказанные перед войной Чернышевым, были развиты и получили законченное выражение в написанной в г. Вильно 2 апреля 1812 г. записке Чуйкевича "Патриотические мысли или политические и военные рассуждения о предстоящей войне между Россией и Францией..." В этом документе на основе анализа разведанных, накопленных в течение длительного времени, были разработаны конкретные рекомендации русскому командованию¹¹³.

Чуйкевич дал следующую оценку численности "Большой армии", почти готовой перейти русскую границу: "По всем сведениям, которые военное министерство имеет, можно утвердительно сказать, что никогда Наполеон не предпринимал столь чрезвычайных мер к вооружению и не собирал столь многочисленных сил, как для предстоящей войны с Россией. Они простираются до 450 тысяч, включая в свое число войска Рейнского союза, итальянские, прусские, швейцарские, гишпанские и португальские". Рассмотрев силы России ("всего 200 тысяч человек") и проанализировав "род и причины употребляемой Наполеоном войны" ("прославился быстротою в военных его действиях", "ищет генеральных баталий, дабы одним или двумя решить участь целой войны"), он высказался за необходимость вести "оборонительную войну", придерживаясь при этом правила: "предпринимать и делать совершенно противное тому, чего неприятель желает". По его мнению, гибель 1-й и 2-й армий могла иметь "пагубные для всего отечества последствия". "Потеря нескольких областей не должна нас устрашать, — писал автор, — ибо целостность государства состоит в целостности его армий". Таким образом, Чуйкевич выдвинул следующую концепцию стратегии и тактики в предстоящей войне: "Уклонение от генеральных сражений, партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопускание до фуражировки и решительность в продолжении войны: суть меры для Наполеона новые, для французов утомительные и союзникам их нетерпи-

мы". "Надобно вести против Наполеона такую войну, к которой он еще не привык", "...соображать свои действия с осторожностью и останавливаться на верном"; заманить противника вглубь и дать сражение "со свежими и превосходящими силами", и тогда "можно будет вознаградить с избытком всю потерю, особенно когда преследование будет быстрое и неутомимое"¹¹⁴.

Эта записка скорее всего была написана специально для Барклая. Чуйкевич, вероятно, устно уже не раз приводил ему свои доводы, с чем в общих чертах военный министр был согласен. Но чтобы мнение разведки было учтено при корректировании планов войны¹¹⁵, Барклай потребовал представить официальное письменное заключение, каковым и явилась записка Чуйкевича¹¹⁶. Возможно также, что такой документ был необходим Барклаю как лишний веский аргумент при отстаивании своих идей с противниками стратегии "оборонительной войны" среди генералитета и окружения царя.

Записка Чуйкевича являлась интересным эссе по прогнозированию войны, но вряд ли она была воспринята современниками как план военных действий, хотя бы потому, что автор не являлся признанным авторитетом и не мог претендовать на это в силу своей молодости и небольшого чина. Ценность записки, на наш взгляд, состояла в убедительной аргументации идеи стратегической необходимости отступления, главным защитником которой являлся Барклай, с хладнокровием и мужеством вопреки мнению большинства офицерского корпуса сумевший применить эту концепцию на практике в ходе боевых действий.

Собранные разведсведения, бесспорно, оказали влияние и на процесс выработки планирования, чему способствовали и мнения, высказанные, наиболее компетентными представителями русской разведки. Вероятно, любой грамотный штабной офицер, имея в течение нескольких лет доступ к секретной информации, пришел бы к выводам, аналогичным со сделанными Чернышевым и Чуйкевичем. Рекомендации и данные разведки заставили русское командование отказаться от наступательных действий, так как очевидное неравенство сил (200 тыс. против 450 тыс.) диктовало неизбежность отступления, которое стало насущной необходимостью.

Суммируя итоги деятельности русской разведки за 1810—1812 гг., следует признать, что в указанный срок в значительной степени была парализована работа наполеоновской агентуры внутри страны, удалось найти каналы для дезинформации противника, наладить получение достоверных сведений о состоянии войск Наполеона и, исходя из анализа собранных данных, представить командованию практические рекомендации для составления планов военных действий. В 1812 г. при армии была создана контрразведка, что позволило оперативно проводить сбор информации о состоянии "Большой армии" Наполеона и положении дел в ее глубоком тылу.

¹ О деятельности французской разведки см.: Бевотосный В.М. Разведка Наполеона в России перед 1812 г. // ВИ. 1982. № 10. С. 86—94.

² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 417. Л. 199 об. — 202.

- ³ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. СПб., 1900. Т. I, ч. 1. С. 11–13, 85–88, 93–98, 105–109.
- ⁴ Прендель знал пять языков, Ренни и Тейль — по три языка, а с Граббе перед отправлением два месяца занимались издатели "Военного журнала" П.А.Рахманов и А.А.Вельяминов, которым Барклай поручил "исподволь" делать кандидату "испытание в языках и военных науках" (РГВИА. Ф. 14303. Оп. 2/293. Св. 113. Д. 627. Л. 2–11; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7046. Л. 36–37, 42–43, 231–232, 254–255; Граббе П.Х. Из памятных записок // Русский архив. 1873. Кн. 1. С. 842).
- ⁵ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. 1, ч. 1. С. 106.
- ⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 436. Ч. 1. Л. 107–108 об., 454–457 об.; Ч. 2. Л. 1–1 об.
- ⁷ Там же. Д. 422. Л. 316.
- ⁸ Там же. Д. 436. Ч. 2. Л. 77–79 об., 121.
- ⁹ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. СПб., 1907. Т. VII. С. 93; РГВИА. Ф. 103. Оп. 209в. Св. 1. Д. 8. Л. 71–71 об.; Ф. ВУА. Д. 456. Ч. 1. Л. 306.
- ¹⁰ Военские чины даны на начало военных действий в 1812 г.
- ¹¹ Во время войны именно через г. Радзивиллов поступали агентурные сообщения из Европы.
- ¹² Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. СПб., 1901. Т. II. С. 33; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 435. Л. 25–28 об., 33–33 об., 55–56, 195–196.
- ¹³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 435. Л. 405; Ф. 103. Оп. 209в. Св. 1. Д. 8. Л. 5.
- ¹⁴ Например, И.И.Турский получил подробную информацию об истинном состоянии армии герцогства Варшавского (Отечественная война 1812 года // Материалы ВУА. СПб., 1902. Т. III. С. 128–132).
- ¹⁵ Тартаковский А.Г. Заметки о военной пропаганде 1812 г. // Вопр. военной истории России XVIII и первой половины XIX в. М., 1969. С. 309–310.
- ¹⁶ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. СПб., 1910. Т. XIII. С. 56; Генерал Баграгион. М., 1945. С. 162; Татищев Ю.В. Вильна и литовские губернии в 1812–1813 гг. Вильна, 1913. С. 36–37.
- ¹⁷ Тартаковский А.Г. Заметки...
- ¹⁸ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XIII. С. 103–104.
- ¹⁹ Он писал, что по известиям от генерал-лейтенанта Тучкова 1-го, видно, "якобы неприятель приоткрылся переправиться 12 числа сего месяца в Олите и вблизи лежащих местах" (РГВИА. Ф. 474. Д. 28. Л. 36 об.).
- ²⁰ РГВИА. Ф. 474. Д. 28. Л. 27–29 об., 31 об. — 35.
- ²¹ Часть разыскиваемой агентуры упоминается в нашей статье: *Безотосный В.М.* Разведка Наполеона в России перед 1812 г. С. 90–91.
- ²² См., например: Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. СПб., 1909; Т. XII. С. 173; РГВИА. Ф. 474. Д. 11. Л. 8 об.; Ф. ВУА. Д. 456. Ч. 1. Л. 368.
- ²³ РГВИА. Ф. 474. Д. 8. Л. 19–21.
- ²⁴ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. СПб., 1909. Т. XI. С. 237.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 474. Д. 8. Л. 27, 30, 35–36.
- ²⁶ Там же. Л. 35–36.
- ²⁷ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. II. С. 296–299; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 436. Ч. 1. Л. 153–156 об.; Д. 496. Л. 68–68 об., 198–199 об.; Ф. 474. Д. 8. Л. 33.
- ²⁸ Margueron. Campagne de Russie. Paris, s/a, Т. 2. P. 7–10, 128, 303–305, 353, 367; Pawłowski B. Polski wywiad przed kampanja 1812 roku // Przegląd Historyczno Wojskowy. 1929. Zesz. 1. S. 133–134.
- ²⁹ Это подтверждается тем, что в качестве награды Саван получил ежемесячную пенсию в 30 червонцев (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 496. Л. 198).
- ³⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 496. Л. 198 об.
- ³¹ Там же; РО РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 248. Л. 47.
- ³² Записки Якова Ивановича де Санглена // Русская старина. 1888. Т. 37. Март. С. 542; РГВИА. Ф. 474. Д. 10. Л. 1–50; Д. 16. Л. 8, 23 об.; РО РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 239. Л. 4–13; Д. 248. Л. 48.
- ³³ Записки Якова Ивановича де Санглена. С. 544; РГВИА. Ф. 474. Д. 8. Л. 17, 50–51; Д. 10. Л. 9; Д. 16. Л. 23 об.; РО РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 248. Л. 3–5, 48.
- ³⁴ РГВИА. Ф. 410. Д. 133. Л. 1–22; Ф. 25. Оп. 160. Св. 124. Д. 72. Л. 1–1 об.; Св. 239; Д. 4. Л. 19–19 об.; Ф. ВУА. Д. 496. Л. 69, 199; РО РНБ. Ф. IV. Д. 828. Л. 2 об., 5 об., 11; Ф. 152. Оп. 1. Д. 244. Л. 2–9.
- ³⁵ Handelsman M. Instrukcje i depesze rezzydentów francuskich w Warszawie. Warszawa, 1914. Т. 1. S. 267; Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. СПб., 1903. Т. IV. С. 255; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 435. Л. 33–33 об., 195–196; Ф. 474. Д. 8. Л. 27; Ф. 103. Оп. 4/210. Св. 20. Д. 122. Л. 8–9 об.; РО РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 248. Л. 33–34.
- ³⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 496. Л. 69 об.; Ф. 474. Д. 8. Л. 50; Д. 10. Л. 9; Д. 16. Л. 15; Ф. 103. Оп. 208 а. Св. 120. Д. 11. Л. 6–7 об.; Св. 136. Д. 19. Л. 90; РО РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 248. Л. 33–34, 46–48.
- ³⁷ Fain. Manuscrit de mil huit cent douze. Paris, 1827. P. 59; Ernouf. Maret, duc de Bassano. Paris, 1878. Об этом прямо говорилось в инструкции, врученной Нарбонну для поездки: "Цель вашей военной миссии — сбор разведывательных данных" (полный текст инструкции см.: Шильвер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. 3. С. 374; Попов А.Н. Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский архив. 1892. № 3. С. 351–352; РО РНБ. Ф. 859. К-7. Брульон 6. Л. 76; Chiquet A. Etudes histoire. Serie 5. Paris, 1912. P. 22–23).
- ³⁸ Попов А.Н. Эпизоды из истории... С. 351.
- ³⁹ Военский К. Приезд генерал-адъютанта Наполеона I графа Нарбонна в Вильну в мае 1812 года // Русская старина, 1907. Т. 131. Август. С. 220–221; Chiquet A. Etudes... P. 19.

- ⁴⁰ *Военский К.* Приезд генерал-адъютанта... С. 224–235; РГВИА. Ф. 29. Оп. 153а. Св. 26. Ч. 6. Л. 14.
- ⁴¹ *Chiquet A.* Etudes... Р. 22; Записки Якова Ивановича де Санглена. С. 544; РО РНБ. Ф. IV. Д. 828. Л. 5, 10; ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. Д. 2499. Л. 30–31.
- ⁴² *Военский К.* Приезд генерал-адъютанта... С. 231–233; *Chiquet A.* Etudes... Р. 21; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 496. Л. 69–199; Ф. 474. Д. 16. Л. 24.
- ⁴³ Подробнее о разработке военных планов Наполеона см: *Бонналь А.* Виленская операция. СПб., 1909.
- ⁴⁴ *Коленкур А.* Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 85–86.
- ⁴⁵ После начала войны у французских служб не осталось сомнений о принадлежности Д.Савана к русской разведке, поэтому 3 июля 1812 г. он был отправлен в Казань. Ему было выделено ежегодное содержание в 1000 руб. ассигнациями, а его сын был принят в Казанский университет (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 433. Л. 5–7; Ф. 474. Д. 16. Л. 24).
- ⁴⁶ Из группы были арестованы только Сокович и К.Езерский (РГВИА. Ф. 103. Оп. 209г. Св. 32. Д. 2. Л. 6–7; Оп. 209в. Св. 12. Д. 3. Л. 2–4; Ф. 29. Оп. 153а. Св. 175. Ч. 12. Л. 27–29; Ф. 474. Д. 11. Л. 21).
- ⁴⁷ Были осуждены Грознов, И.Гаевский и А.Петри, причем последний 7 раз проникнул на русскую территорию (РГВИА. Ф. 103. Оп. 209г. Св. 34. Д. 103. Л. 2–40; Ф. 29. Оп. 153а. Св. 19. Д. 2664. Л. 1–4 об.; Св. 28. Ч. 15; Св. 169. Ч. 12. Л. 45–53).
- ⁴⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 496. Л. 316; Ф. 29. Оп. 153а. Св. 175. Ч. 10. Л. 10–12 об.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 29. Оп. 153а. Св. 5. Д. 532. Л. 1–5.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 1163. Оп. XVI. 1812 г. Д. 15. Л. 1–17.
- ⁵¹ РО РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 249. Л. 18–20.
- ⁵² Подробнее см.: *Безотосный В.М.* Разведка Наполеона в России перед 1812 г. С. 91–94.
- ⁵³ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 119. Д. 9. Л. 213, 358–358 об.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 4. Т. 2. Д. 214. Л. 1–9 об.
- ⁵⁵ Там же. Ф. ВУА. Д. 517. Л. 25–34; Д. 482. Л. 1–7. Одним из авторов составленного проекта был правитель канцелярии “Комиссии по составлению воинских уставов и уложения” коллежский советник Новицкий (РГВИА. Ф. 30. Оп. 1/1256. Св. 10. Д. 5. Л. 151 об.).
- ⁵⁶ Это коснулось даже самого названия новой организации: “высшая”, “вышняя”, “вышшая”, “вышняя” воинская (военная) полиция. Термин так до конца и не устоялся, нами же выбран более понятный для современного русского языка — “высшая воинская полиция”.
- ⁵⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 517. Л. 35–56 об.
- ⁵⁸ Там же. Д. 517. Л. 16–24 об.
- ⁵⁹ Там же. Д. 42. Л. 1 об.
- ⁶⁰ Там же. Д. 459. Л. 141 об. — 142.
- ⁶¹ Там же. Ф. 474. Д. 9. Л. 2–2 об.; Ф. ВУА. Д. 517. Л. 14–14 об.
- ⁶² Там же. Ф. 29. Оп. 153а. Св. 175. Ч. 4. Л. 36–36 об.
- ⁶³ Там же. Ф. 474. Д. 9. Л. 21–22, 27–28, 31, 37, 47.
- ⁶⁴ Действительный статский советник И.С.Бароцци еще в 1811 г. был откомандирован в распоряжение Барклая де Толли и занимался разведывательной работой в Молдавской армии (ВПР. М., 1962. Т. VI. С. 364, 790; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 435. Л. 416; Д. 456. Ч. 2. Л. 242–265).
- ⁶⁵ РГВИА. Ф. 29. Оп. 153а. Св. 170. Ч. 1. Л. 63.
- ⁶⁶ Там же. Ф. 474. Д. 19. Л. 42; РО РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 247. Л. 37.
- ⁶⁷ РГВИА. Ф. 29. Оп. 153а. Св. 175. Ч. 12. Л. 30.
- ⁶⁸ Там же. Св. 169. Ч. 8. Д. 17.
- ⁶⁹ Сам же де Лезер в прошении на получение медали в память 1812 г. указывал, что находился в должности старшего адъютанта П.И.Багратиона (РГВИА. Ф. 395. Оп. 123. 1817 г. 3 отд. Д. 162. Л. 4).
- ⁷⁰ РГВИА. Ф. 29. Оп. 153а. Св. 169. Ч. 8. Л. 17.
- ⁷¹ Там же. ВУА. Д. 435. Л. 644–647; Д. 459. Л. 73–74 об., 77 об. — 78 об.; РО РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 270. Л. 2; Д. 246. Л. 8; Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. VII. С. 89–90.
- ⁷² Тр. ИРВИО. М., 1912. Т. 7, кн. 3. С. 110, 229; Русский архив. 1912. № 4. С. 537–538. В 1813 г. де Лезер был оправдан и принят на службу (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 118. Д. 8. Л. 442–443 об.; Св. 141. Д. 31. Ч. 1. Л. 21–22; Ф. 395. Оп. 123. 1817 г. 3 отд. Д. 162. Л. 4; Сб. РИО. СПб., 1890. Т. 73. С. 485).
- ⁷³ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208в. Св. 55. Д. 5/44. Л. 46.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 29. Оп. 153а. Св. 12. Д. 1330. Л. 2; Св. 28. Ч. 16. Л. 10.
- ⁷⁵ Судя по рапортам на его имя, он занимал эту должность до 1816 г. (РО РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 248. Л. 52; Д. 270. Л. 14; РГВИА. Ф. 970. Оп. 2. Д. 1141. Л. 3; Столетие военного министерства. СПб., 1909. Т. III, отд. 5. С. 495).
- ⁷⁶ Там же. Св. 175. Ч. 18. Л. 16.
- ⁷⁷ РГВИА. Ф. 29. Оп. 153а. Св. 175. Ч. 4. Л. 36 об.
- ⁷⁸ Там же. Св. 12. Д. 1330. Л. 1; Ф. 474. Д. 11. Л. 3 об., 24.
- ⁷⁹ Там же. Ф. 395. Оп. 60. 1816 г. 2 отд. Д. 5514. Л. 1; Оп. 64. 1817 г. 2 отд. Д. 1720. Л. 1–1 об., 4–5.
- ⁸⁰ Там же. Ф. 474. Д. 11. Л. 24–24 об.
- ⁸¹ Там же. Л. 21–24; Ф. 29. Оп. 153а. Св. 12. Д. 1232. Л. 2; Д. 1330. Л. 1; Св. 42. Д. 2019. Л. 1–1 об.; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 1. Л. 228–228 об.; Ф. ВУА. Д. 481. Л. 1–24; Русский биографический словарь. СПб., 1913. Т. Рейтерн–Рольцберг. С. 411–412.
- ⁸² РГВИА. Ф. 49. Оп. 211. Св. 25. Д. 439. Ч. 1. Л. 4–4 об.; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 1. Л. 379–379 об., 431–432; Д. 107. Ч. 23. Л. 16; Ф. 474. Д. 11. Л. 21 об.; Д. 22. Л. 1–9; Ф. ВУА. Д. 481. Л. 22.
- ⁸³ Там же. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7057. Л. 1252–1253; Ф. 29. Оп. 153а. Св. 2. Д. 132. Л. 1–4 об.
- ⁸⁴ Там же. Ф. 474. Д. 11. Л. 2, 4, 6 об., 9 об., 14.

- ⁸⁵ РО РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 241. Л. 15; РГВИА. Ф. 474. Д. 9. Л. 12; Д. 11. Л. 29 об.; Д. 19. Л. 36; Ф. 395. Оп. 172. 1812 г. 4 отд. Св. 60. Д. 195. Л. 3–6; Ф. ВУА. Д. 481. Л. 21–21 об.; Ф. 29. Оп. 153а. Св. 18. Д. 2389.
- ⁸⁶ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 45. Л. 17–17 об., 38–43 об.; Оп. 208б. Св. 108. Д. 1. Ч. 3. Л. 12; Ф. ВУА. Д. 477. Л. 6.
- ⁸⁷ Там же. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7057. Л. 130–131, 217–221, 320–321; Ф. 25. Оп. 161а. Св. 916. Д. 551 г. Л. 12–13; Ф. 395. Оп. 354, 1823 г. 1 отд. Д. 4. Л. 1–3 об.
- ⁸⁸ Там же. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 1. Д. 15. Л. 32; Ф. 474. Д. 17. Л. 1–11; Ф. 29. Оп. 153а. Св. 1. Д. 100. Л. 8–12; РО РНБ. Ф. 152. Оп. 1. Д. 270. Л. 2, 5–6.
- ⁸⁹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 153а. Св. 2. Д. 182. Л. 2, 8, 13–16; Д. 148. Л. 1–11; Оп. 153г. Св. 1. Д. 4. Л. 1–1 об.; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 16. Д. 17. Л. 335–336.
- ⁹⁰ Русская старина. 1902. Т. 110. Апрель. С. 19; Русский биографический словарь. СПб., 1904. Т. Сабанеев–Смыслов. С. 183; РГВИА. Ф. 970. Оп. 2. Д. 1141. Л. 3. В 1814 г. у него числилось лишь трое подчиненных: Протопопов, Лещковский и Валуа (Столетие военного министерства. Т. III, отд. 5. С. 495).
- ⁹¹ М.И. Кутузов. Сб. документов. М., 1955. Т. IV, ч. 2. С. 592–595.
- ⁹² Там же. С. 593.
- ⁹³ В 1814 г. из участников Отечественной войны, работавших в контрразведке, в высшей воинской полиции осталось лишь два человека: К.Ф. Ланг и А.Бартц, последний исполнял даже некоторое время должность директора (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 63. Л. 174 об., 122–124).
- ⁹⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 44. Д. 552. Л. 1–7 об.
- ⁹⁵ Там же. Ф. 30. Оп. 1256. Св. 11. Д. 2. Л. 69, 140 об.
- ⁹⁶ Там же. Л. 2 об.
- ⁹⁷ Произошло сокращение штата. Особенная канцелярия стала состоять из директора и трех экспедиторов (РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 2. Д. 2436. Л. 303; Ф. 103. Оп. 4/210. Св. 20. Д. 126. Л. 5; Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 161. Д. 15. Л. 13; Ф. 30. Оп. 1256. Св. 8. Д. 21. Л. 92, 96; Св. 11. Д. 2. Л. 31).
- ⁹⁸ ПСЗ. Т. 32. № 24971. § 133 (сами правила нам найти не удалось).
- ⁹⁹ РО РНБ. Ф. 859. К–28. Брульон 8. Л. 6.
- ¹⁰⁰ Из биографии Алексея Васильевича Воейкова // Старина и новизна. 1904. Кн. 7. С. 140; Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. СПб., 1845. Т. 2. С. 3; Военная галерея 1812 года. СПб., 1912. С. 45; РГВИА. Ф. 216. Оп. 1. Д. 8. Л. 4–9; Ф. 472. Оп. 1. Д. 11. Л. 111; Ф. 29. Оп. 4/154. Св. 57. Д. 299. Л. 7–9, 14–16; Ф. 395. 1816 г. 5 отд. Д. 1488. Л. 4–5 об.
- ¹⁰¹ Воейков, по-видимому, был назначен редактором в комиссию для того, чтобы разведывательные материалы об организации французской армии и ее союзниках были использованы при начале Барклаем реформирования русских вооруженных сил.
- ¹⁰² Столетие военного министерства. Т. III, отд. 5. С. 77–78; Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. II. С. 94; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 421. Л. 19; Д. 496. Л. 173, 404 об.; Ф. 29. Оп. 153а. Св. 20. Д. 2735. Л. 6; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7046. Л. 120–121. П.А. Чуйкевич с 1813 г. по 1815 г. был директором Особенной канцелярии до ее ликвидации.
- ¹⁰³ Столетие военного министерства. Т. III, отд. 5. С. 55–57; Архив ПОИИ. Ф. 113. Д. 134. Ч. 1. Л. 77–78; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 3. Д. 6966. Л. 159–160.
- ¹⁰⁴ Столетие военного министерства. Т. III, отд. 5. С. 48; *Тартаковский А.Г.* Из истории русской военной публицистики 1812 года // 1812 год. М., 1962. С. 241; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 459. Л. 140; Ф. 103. Оп. 208а. Св. 17. Д. 26. Л. 120; Св. 141. Д. 31. Ч. 1. Л. 112.
- ¹⁰⁵ Столетие военного министерства. Т. III, отд. 5. С. 50–51; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 436. Л. 374; Д. 485. Л. 1; Ф. 29. Оп. 153г. Св. 1. Д. 3. Л. 2 об. – 3 об.
- ¹⁰⁶ Столетие военного министерства. Т. III, отд. 5. С. 51–53; РГИА. Ф. 1341. Оп. 13. Д. 1465. Л. 324; Ф. 660. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–4, 34–37 об.; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 459. Л. 147 об. – 148; Ф. 1. Оп. 1. Т. 2. Д. 2440. Л. 58 об.; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7058. Ч. 2. Л. 843–850; Ф. 29. Оп. 153а. Св. 18. Д. 2361. Л. 1–2.
- ¹⁰⁷ Сб. РИО. СПб., 1891. Т. 78. С. 518; РГВИА. Ф. 29. Оп. 153а. Св. 11. Д. 1434. Л. 1.
- ¹⁰⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3388. Ч. 1–3. Большая часть сведений из этой книги попала в публикацию документов: Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. I–XXI.
- ¹⁰⁹ РГВИА. Ф. 37. Оп. 191. Св. 3. Д. 18. Л. 22; *Беннигсен Л.А.* Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 26.
- ¹¹⁰ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. СПб., 1913. Т. III. С. 334.
- ¹¹¹ Отечественная война 1812 года // Материалы ВУА. СПб., 1908. Т. IX. С. 66–70. В то время Чернышев считал, что Наполеон выставит 350–400 тыс. человек, включая 60 тыс. кавалерии (Там же. С. 67).
- ¹¹² Военный сборник. 1902. № 1. С. 181–192.
- ¹¹³ Не касаясь всех вопросов, рассматриваемых в записке, мы ограничились разбором основных положений о численности армии Наполеона и предложенной автором концепции ведения военных действий.
- ¹¹⁴ РГВИА. Ф. 474. Д. 14. Л. 1–7.
- ¹¹⁵ Записка Чуйкевича датирована 2 апреля, а с 10 апреля Барклаем стали рассылаются инструкции высшему командному составу по ведению боевых действий. Подробнее см.: *Пугачев В.В.* К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года // 1812 год. С. 41–44.
- ¹¹⁶ Такое задание не могло быть дано А.А. Закревскому, так как тот лишь недавно был назначен руководителем разведки, не был знаком с материалом и не смог бы представить аргументированное заключение.

